УДК 94(47)«19»

И. Е. Барыкина

Из записок графа Д. Н. Толстого: особенности государственного управления 1820-х — 1860-х гг.

Словосочетание «петербургский чиновник» прочно вошло в российский лексикон в XIX в., со второй четверти столетия этот слой столичного общества существенно увеличился, его ряды пополнились за счет представителей дворянства, с течением времени всё больше отдававших предпочтение гражданской службе перед военной. Подобный выбор сделали знаменитые представители графского рода Толстых — Дмитрий Николаевич и Дмитрий Андреевич, дядя и племянник. Оба происходили из знатного, но обедневшего рода, вошли в ряды бюрократической элиты и оставили свой след в истории внутренней политики XIX столетия. Они принадлежали к разным поколениям петербургского чиновничества, и их служебные карьеры отражают изменения, происходившие в системе государственного управления во второй и третьей четверти XIX столетия.

Д. А. Толстой, в течение двадцати лет находившийся на политическом олимпе Российской империи (1865–1880 гг. — обер-прокурор Св. Синода, 1866–1880 гг. — министр народного просвещения, 1882–1889 гг. — министр внутренних дел и президент Императорской Академии наук) не оставил мемуаров. Делопроизводственные документы и официальная переписка хранятся в Российском государственном историческом архиве (РГИА, фонд 1664 — Д. А. Толстого). Разрозненные источники личного происхождения находятся в Центральном историческом государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб, фонд 1 — Александровского лицея), Петербургском филиале архива РАН

(ПФА РАН, фонд 35 — В. И. Ламанского), Рукописном отделе Института русской литературы и искусства (РО ИРЛИ: фонд 157 — Музей Александровского лицея; архив А. В. Никитенко; собрания П. Я. Дашкова (фонд 548) и В. И. Яковлева (фонд 357)); Государственном архиве Рязанской области (ГАРО, фонд 1448 — личный фонд графов Толстых)[1].

Д. Н. Толстой, в отличие от своего племянника, оставил автобиографические заметки, неоднократно публиковавшиеся на страницах «Русского архива». Он вспоминал: «Не раз пытался я в течение моей жизни писать мои Записки <...> Между тем скольким событиям был я очевидным свидетелем! У меня сохранились детские воспоминания о войне 1812 года; я участвовал в войне 1831 года; наконец я был участником в славных реформах настоящего царствования...»[2] Еще в середине своей служебной карьеры Д. Н. Толстой опубликовал воспоминания о детских годах[3], а выйдя в отставку, принялся за мемуары, но не систематизировал их в хронологической последовательности, а написал несколько очерков, рукописи которых хранились в его домашнем архиве, впоследствии утраченном (в 1845–1846 гг. он вел дневник о службе в Прибалтике; к 1864 г. относится фрагмент «Из записок» о службе в Министерстве внутренних дел под началом П. А. Валуева, в 1872 г. — начало «Записок» о детских годах; в январе 1881 г., «оглянувшись» назад, Дмитрий Николаевич вернулся к воспоминаниям об отмене крепостного права). Время от времени отставной чиновник помещал свои заметки в «Русском архиве»[4], а после его кончины издатель журнала П. И. Бартенев продолжил публикацию записок[5]. Таким образом, этот ценный, но несистематизированный источниковый материал оказался в распоряжении историков.

Записки Д. Н. Толстого повествуют не только о жизни в отцовском имении и помещичьем быте («Автобиография» и «Из записок»), но и о начале чиновничьей карьеры в Комиссии прошений, совпавшем с воцарением Николая I («Из записок»), службе в канцелярии генерал-губернатора Остзейского края Е. А. Головнина в 1845–1846 гг. («Прибалтийский край»), подготовке и ходе крестьянской реформы («Дай оглянусь»), руководстве Департаментом полиции исполнительной в 1861–1863 гг. («Из записок»).

---

[1] Подробнее см.: *Барыкина И. Е.* 1) Неизвестные бумаги Д. А. Толстого // Пушкинский музеум. СПб., 2014. Вып. 6. С. 219–230; 2) Граф Д. А. Толстой как хозяин и помещик: по материалам Рязанского архива // Власть, общество и реформы в России: история, источники, историография. Материалы Всероссийской научной конференции 6–7 декабря 2006 года. СПб., 2007. С. 483–494.

[2] *Толстой-Знаменский Д. Н.* Дай оглянусь // Русский архив. 1881. Кн. 2. № 3–4. С. 163.

[3] *Толстой Д. Н.* Автобиография обыкновенного человека // Иллюстрация. 1848. № 33. (Т. VII. № 163). С. 130–134.

[4] *Толстой-Знаменский Д. Н.* 1) Дай оглянусь // Русский архив. 1881. Кн. 2. № 3–4. С. 163–176; 2) Прибалтийский край. Из дневника русского чиновника (1845–1846) // Русский архив. 1881. Кн. 3. С. 84–112.

[5] Из записок графа Д. Н. Толстого // Русский архив. 1885. Кн. 2. № 5. С. 5–70; *Толстой Д. Н.* Автобиография обыкновенного человека // Русский архив. 1912. Т. I. С. 332–352.

Внимание исследователей привлекли в первую очередь воспоминания Д. Н. Толстого о службе в Министерстве внутренних дел. Именно «Записки» Д. Н. Толстого вошли в широкий научный оборот как источник для изучения внутренней политики второй половины XIX в. Составители справочника по истории России включили их в перечень документов той эпохи, дав краткую характеристику[6].

Мемуары Д. Н. Толстого оказались в поле зрения В. Г. Чернухи, занимавшейся подготовкой исследования о внутренней политике 1850–1880-х гг. Историк обратила внимание на фрагмент, иллюстрирующий оппозиционные настроения дворянства в первый период проведения крестьянской реформы, когда правительство было озабочено масштабной адресной кампанией дворянских собраний. Министр внутренних дел П. А. Валуев опасался, что высшее сословие открыто выразит недовольство отменой крепостного права во время празднования 1000-летия России осенью 1862 г., и в целях предотвращения возможных инцидентов командировал в Новгород Д. Н. Толстого, директора Департамента полиции исполнительной[7]. Этот сюжет «Из записок» Дмитрия Николаевича В. Г. Чернуха позднее поместила в сборнике документов, посвященном Александру II, сопроводив их ярким комментарием[8].

Источниковедческий анализ «Записок» В. Г. Чернуха дала в статье «Мемуары столичного чиновничества второй половины XIX в.»[9]. В «пестрой картине» воспоминаний представителей профессиональной бюрократии историк выделила несколько групп источников: автобиографии, очерки «об отдельных случаях или периодах служебной деятельности», «портретные зарисовки правительственных деятелей или чиновников высокого ранга», «воспоминания-некрологи»[10]. Ученый отметила важность изучения мемуарной литературы при реконструкции внутриполитического процесса: «Если официальный документ позволяет установить, что было, то документы мемуаристики дают возможность объяснить, как было», «порой содержат весьма ценные сведения»[11].

В. Г. Чернуха отметила небрежность издания воспоминаний в XIX в. В качестве примера она привела публикацию записок Д. Н. Толстого в «Русском архиве» в 1885 г. Текст, состоявший из двух частей, был предварен коротким предисловием П. И. Бартенева, излагавшим общие сведения об авторе мемуаров. Читатель мог узнать, что мемуарист, скончавшийся за год до публикации, «принадлежал к числу достопамятных людей русской земли», был религиозен

---

6 История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. М., 1977. Т. 2. Ч. I. С. 42–43.

7 *Чернуха В. Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 27.

8 Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 232–233.

9 Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1983. Т. 14. С. 195–216.

10 Там же. С. 209–213.

11 Там же. С. 215–216.

и «многосторонне образован», оставил богословские, политические и исторические сочинения. Он неоднократно принимался за автобиографию, но так и не окончил работу. Рукопись, состоявшую из двух фрагментов, передала журналу вдова[12]. П. И. Бартенев дал характеристику личностных качеств и служебной карьеры чиновника, при этом не пояснив, что представляет собой опубликованный документ: всю незаконченную рукопись или ее фрагменты[13].

Среди «побудительных мотивов», которыми руководствовались мемуаристы, В. Г. Чернуха выделила несколько факторов. С одной стороны, это психологические мотивы: стремление осмыслить свое время, передать потомкам жизненный опыт. С другой — политические цели: осмыслить свое участие в политических событиях, сохранить и передать факты, известные только непосредственному участнику. И наконец, еще один фактор, который В. Г. Чернуха назвала «инерцией профессионального бытия»[14]. По мнению историка, именно эта причина побудила Д. Н. Толстого оставить записки о своей службе в Департаменте полиции исполнительной. Дмитрий Николаевич был отправлен в отставку на взлете карьеры, полагал, что мог принести еще много пользы на этом поприще, однако его намерения оказались «неоцененными». Первая часть, посвященная детству и юности автора, датирована 28 марта 1872 г., вторая (о службе под началом П. А. Валуева в Министерстве внутренних дел) — 12 марта 1864 г. Вторую часть записок сопровождает комментарий издателя: «Этот второй отрывок писан графом Толстым в селе Знаменском, когда он находился в полной отставке»[15]. Дмитрий Николаевич оставил службу в 1863 г., так что писал записки по горячим следам.

Историк определила два подхода исследователя к отбору мемуаров: «узкий», сконцентрированный на «малом» круге воспоминаний, отражающих службу их авторов в центральной администрации. Этот принцип был выбран самой В. Г. Чернухой и обусловлен ее интересом к проблемам «истории высших и центральных государственных учреждений, внутренней политики»[16]. При ином подходе — «широком» — в центре внимания исследователя оказываются мемуары чиновников, относящиеся не только к периоду столичной службы, но и отражавшие другие этапы их жизни. Можно добавить, что мемуары Д. Н. Толстого, повествующие также об отцовском имении, московском периоде и жизни в отставке в своем поместье, представляют интерес и с этой точки зрения. Очевидно, описывая сюжеты детства и юности, петербургский чиновник вновь переживал то время, когда находился в кругу семьи и был счастлив. Он хотел сохранить эти воспоминания для сына, о котором нежно заботился,

[12] Из записок графа Д. Н. Толстого // Русский архив. 1885. Кн. 2. № 5. С. 33.

[13] Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 14. С. 201–202.

[14] Там же. С. 206–209.

[15] Из записок графа Д. Н. Толстого // Русский архив. 1885. Кн. 2. № 5. С. 33.

[16] Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 14. С. 196.

и передать ему свой жизненный опыт. Так политические мотивы создания мемуаров тесно переплелись с психологическими.

Избранный В. Г. Чернухой подход к отбору чиновничьих мемуаров оставил за рамками ее исследований другие записки Д. Н. Толстого, в том числе «Автобиографию обыкновенного человека». Можно с уверенностью утверждать, что «Автобиография» является одним из недостающих фрагментов воспоминаний Д. Н. Толстого, помещенных в «Русском архиве» в 1885 г. Об этом свидетельствует разрыв в тексте публикации 1885 г.: повествование обрывается на рассказе о домашнем обучении Дмитрия Николаевича и продолжается словами «приезд к нам московских гостей и сближение с ними произвели огромный переворот в нашей жизни: они уговорили отца переехать в Москву»[17]. Возникает вопрос, кого мемуарист называет «московскими гостями», и каким образом они изменили жизнь обитателей скромного поместья? Всё становится на свои места после изучения «Автобиографии» Д. Н. Толстого:

«...приехали к нам из Москвы двое из наших двоюродных братьев. <...> Один только что вышедший в отставку из военной службы, а другой недавно женившийся и бывший тогда камер-юнкером. Оба они были красивой наружности и носили щегольское платье, какого мы до того времени не видывали. На одном был светло-голубого цвета фрак, с перламутровыми, украшенными бронзою, пуговицами, планшевые панталоны в сапоги à l'écuyère, а другой, при зеленом с искорками фраке, носил белые панталоны и цветной галстук. Я полюбил их от всей души, и они были чрезвычайно ласковы; но меня крайне конфузили их французские фразы. Приезд их к нам произвел важную перемену в нашей жизни. Они уговорили оставить деревню и поселиться в Москве»[18].

Отставной военный — Андрей Степанович Толстой (отец Д. А. Толстого); вместе с ним визиты родственникам наносил его младший брат Петр Степанович, женившийся в 1819 г. и получивший перед свадьбой звание камер-юнкера[19]. Этот визит, затеянный ради знакомства, нарушил привычный уклад жизни провинциального семейства и повлиял на судьбу Дмитрия Николаевича Толстого, став важной вехой в его биографии.

Остается неясной причина, по которой фрагмент не вошел в публикацию 1885 г. Возможно, П. И. Бартенев счел необходимым показать путь, пройденный Д. Н. Толстым от дворянского недоросля до директора департамента, и выбрал для этого самые яркие, по его мнению, сюжеты биографии чиновника. Тем не менее детские воспоминания были очень дороги Дмитрию Николаевичу, приступая к запискам, он долго не мог освободиться от картин жизни в отцовском имении и сетовал на то, что «воспоминаниями, уже положенными на бумагу, никогда не выходил из родительского дома и не переступал за пределы

[17] Русский архив. 1885. Кн. 2. С. 12.

[18] Русский архив. 1912. Кн. 1. С. 332–352.

[19] Подробнее см.: *Барыкина И. Е.* Родственное окружение гр. Д. А. Толстого. Материалы для биографии // КЛИО. 2006. № 3 (34). С. 228–236.

16-летнего возраста»[20]. Эти воспоминания представляют особую ценность, так как позволяют восполнить недостающие сведения о детстве и родственном окружении будущего «столпа реакции» — Д. А. Толстого, племянника Дмитрия Николаевича.

Между тем Д. Н. Толстому было что рассказать и о своей государственной деятельности. Он принадлежал к поколению непрофессиональных бюрократов николаевского царствования, получивших домашнее образование и постигавших премудрости государственной службы эмпирическим путем. В середине XIX столетия на смену им стали приходить чиновники-профессионалы, пошедшие обучение в Училище правоведения и Царскосельском лицее (среди последних — Д. А. Толстой).

Д. Н. Толстой родился в деревне Знаменка Рязанской губернии 12 марта 1806 г. На службу попал по протекции С. А. Маслова, получив должность библиотекаря недавно основанного (в 1820 г.) Императорского московского общества сельского хозяйства. Это давало юноше возможность участвовать в заседаниях общества, завязывая полезные знакомства и получая в девятнадцать лет первые навыки бюрократической работы. Он приступил к работе, не имея никакого понятия о правилах делопроизводства, компетенции государственных учреждений, многочисленных законах, регулировавших жизнь государства, и приобретал необходимые знания уже в процессе службы. Последовав уговорам наставника, Толстой отказался от военной карьеры и поступил на гражданскую службу, т. е. вышел за рамки сословных предписаний и норм.

Продвижение вверх по служебной лестнице, заключавшееся в получении следующего по Табели о рангах гражданского чина, зависело от выслуги лет, образования и протекции. Д. Н. Толстой, не имея высшего образования (как и многие чиновники первой половины XIX в.), должен был начать службу в канцелярии какого-либо государственного учреждения. Такая возможность появилась у него летом 1826 г. во время коронации Николая I, когда в Москве был учрежден временный комитет по принятию прошений под председательством кн. А. А. Голицына.

Служба оказалась несложной, молодые чиновники в основном проводили время за разговорами и чтением новых стихов А. С. Пушкина. Комитет работал до осени, а затем был распущен, при этом все работавшие в нем получили награды и чины. Производство Д. Н. Толстого в чин XIX класса было дополнено повелением определить его на службу. По ходатайству С. А. Маслова юношу принял в свое ведомство статс-секретарь Комиссии по принятию прошений Н. М. Лонгинов, ставший новым покровителем молодого человека. Стационарное государственное учреждение — Комиссия по принятию прошений — находилось в Петербурге, и Д. Н. Толстому пришлось переехать в северную столицу. Он поселился в том же доме на Моховой улице, что и Н. М. Лонгинов (это было

[20] *Толстой-Знаменский Д. Н.* Дай оглянусь // Русский архив. 1881. Кн. 2. № 3–4. С. 163.

очень удобно, так как на первом этаже располагалась канцелярия Комиссии), сделавшись «как бы членом его семейства»[21].

Петербургский период ознаменовал продвижение Д. Н. Толстого по карьерной лестнице. В своих записках Д. Н. Толстой указал, что был делопроизводителем 1-й экспедиции, и у него в производстве были дела 1-го и 4-го департаментов Сената. Занимаясь ими, он прошел настоящую школу управления, по собственному признанию, «рано и одновременно» познакомившись «с администрациею и судом»[22]. Эти два направления — административное и судебное — стали ведущими в дальнейшей деятельности Дмитрия Николаевича. В 1831 г. он получил повышение и был назначен правителем Канцелярии по временному управлению Царством Польским. В сложное для центральной власти время борьбы с польским восстанием 1830–1831 гг. Д. Н. Толстой вел дела по военно-гражданскому управлению этого края. Об этом периоде своей жизни чиновник упоминал очень кратко: «участвовал в войне 1831 года»[23], «был правителем канцелярии при графе Строганове»[24]. Дмитрий Николаевич не распространялся в записках также и о службе в только что начавшем свою деятельность Министерстве государственных имуществ, куда поступил в 1838 г., но этот пробел позволяют восполнить архивные документы.

По поручению министра Д. Н. Толстой совершил поездку по Западной Европе, посетив Австрию, Германию и Францию. Чиновнику были даны указания оценить действенность западноевропейской административной системы, в первую очередь крестьянского самоуправления. Перед поездкой его напутствовал сам П. Д. Киселев, готовивший реформу государственной деревни. Он обратил внимание на Австрию, где еще в середине XVIII в. была проведена реформа сельского управления. Однако Д. Н. Толстой не разделял реформаторских взглядов своего начальника. В письме к академику Петру Ивановичу Кеппену 30 июля 1838 г. он отчетливо изложил собственный взгляд на проблему. По его мнению, наделение крестьян землей разрушает общинный уклад, способствует развитию крестьянского индивидуализма и тем самым пагубно сказывается на патриотических чувствах населения. В этом Толстого убедило наблюдение за австрийскими крестьянами, любящими свой дом, свое хозяйство, но в то же время «равнодушными ко всему, что составляет отечество»[25].

Расхождения во взглядах с министром государственных имуществ привели к тому, что Дмитрий Николаевич покинул ведомство. Тем не менее карьерный рост способного администратора не остановился. В 1843 г. он был назначен директором незадолго до того начавшей официально действовать Нижегородской ярмарки.

---

[21] Из записок графа Д. Н. Толстого // Русский архив. 1885. Кн. 2. С. 29.

[22] Там же. С. 33.

[23] *Толстой-Знаменский Д. Н.* Дай оглянусь // Русский архив. 1881. Кн. 2. № 3–4. С. 163.

[24] Из записок графа Д. Н. Толстого // Русский архив. 1885. Кн. 2. С. 33.

[25] ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 293. Л. 3 об.

Через два года Д. Н. Толстой перешел в Министерство внутренних дел и в ноябре 1845 г. был командирован министром Л. А. Перовским в Ригу в канцелярию генерал-губернатора Е. А. Головина в качестве чиновника по особым поручениям. В его обязанности входила деловая переписка с Петербургом. По отзывам сослуживцев, он был «одним из самых почтенных и энергических русских деятелей в Прибалтике»[26].

С ноября 1845 по июль 1846 г. Толстой вел дневник, который в 1881 г. был опубликован в «Русском архиве». В предисловии П. И. Бартенева отмечалось, что продолжение дневника «затеряно»[27]. Возможно, сам Дмитрий Николаевич не придавал большого значения двум следующим годам службы в Прибалтике, вложив всю свою энергию в первый приступ к делам.

Одним из важных направлений усиления своей позиции в Прибалтийском крае российское правительство считало русификацию местного латышского населения, поощряя в этих целях его переход в православие. В дневниковых записях Д. Н. Толстой, занимавшийся этим вопросом и поддерживавший позицию российских властей, не только описал ход событий, но и предварил их размышлениями о положении дел, изложив свои мысли о причинах столь активного перехода местного населения в православие (ненависть к немецкому дворянству, надежды на улучшение своего «жалко-бедственного положения»). Он придерживался распространенной в сфере чиновников точки зрения о необходимости подчинения католических священников гражданским российским властям и оказания экономической поддержки перешедшим в православие крестьянам-латышам в противовес помещикам-католикам[28].

Занимаясь делами Секретной канцелярии, Д. Н. Толстой обратил внимание на донесения камер-юнкера Валуева. С этого времени начинается их сближение. П. А. Валуев также с 1845 г. состоял чиновником особых поручений при рижском генерал-губернаторе. Валуев был моложе Толстого на 11 лет, их мнения не всегда совпадали, но оба показали себя государственниками, во главу угла ставившими правительственные интересы. Неудивительно, что они увидели друг в друге единомышленников. Д. Н. Толстой в дневнике характеризовал сослуживца как «умного, образованного и благородного человека»[29].

Очевидно, к этому периоду относится стихотворение, сочиненное П. А. Валуевым и опубликованное в «Русском архиве» в 1897 г.:

Днесь, сбросив ярмо канцелярских забот,
Забыв, что чернила и перья есть в мире,

[26] Рязанская ученая архивная комиссия. 1884–1887 // Русская старина. 1887. Т. 54. № 4. С. 206.

[27] *Толстой-Знаменский Д. Н.* Прибалтийский край в 1845–1846 гг. // Русский архив. 1881. Кн. 3. № 1. С. 111.

[28] Там же. С. 85–112.

[29] Там же. С. 100.

Я вечером дома, без дел, без хлопот,
С собою и с немцами в мире.
Трескучее пламя в камине играет,
Китайский настой на столе закипает;
И был бы вполне я доволен судьбой,
Когда б посетил меня комит Толстой.

Из комментариев библиофила И. С. Листовского следует, что стихи были найдены при разборе бумаг П. А. Валуева, среди его обширной переписки с Д. Н. Толстым. «Выражение “комит”, т. е. товарищ, повторяется и в переписке»[30].

Постепенно служебное рвение Д. Н. Толстого стало утихать, нежелание сослуживцев и начальства разбираться в сложных проблемах управления Прибалтикой раздражало, и он всё чаще упоминал о желании выйти в отставку. Но вместо этого получил повышение, осенью 1848 г. став управляющим делами Остзейского комитета, занимавшегося вопросами землевладения в Прибалтике. В 1849 г. Комитет разработал Временные правила, согласно которым права прибалтийских помещиков были ограничены пользованием землей. По окончании работ над Временными правилами, в начале 1850-х гг. Толстой был назначен вице-директором Департамента полиции исполнительной. К этому времени он получил известность как специалист в области конфессиональной политики, поэтому надеялся получить должность директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий в 1855 г., после выхода в отставку В. В. Скрипицына. Они были близко знакомы, переписывались, по многим конфессиональным вопросам их взгляды совпадали. После кончины Скрипицына Толстой опубликовал его некролог[31]. Однако репутация чересчур ревностного защитника православия помешала Толстому стать директором Департамента духовных дел иностранных исповеданий.

В таких случаях существовала практика временного удаления из Петербурга чиновника, претендующего на руководящую должность, — пока в столице не появится подходящая вакансия. В 1856 г. Дмитрия Николаевича отправили исполнять обязанности рязанского губернатора на время полугодового отсутствия П. П. Новосильцева, возглавлявшего эту губернию. Свою роль сыграло и то, что Д. Н. Толстой был рязанским помещиком и ежегодно навещал свое имение. Не имея большого достатка, он не мог позволить себе отпуск для устройства семейных дел, поэтому использовал каждый удобный случай, чтобы получить служебную командировку в Рязань. Толстому приходилось ревизовать рязанское губернское правление и полицию, так что он был в курсе дела[32]. Тем не менее положение его было двойственным, он признавался, что чувствует

[30] *Листовский И. С.* Послание графа П. А. Валуева к графу Д. Н. Толстому // Русский архив. 1897. Кн. 2. № 5. С. 285–286.

[31] *Толстой Д. Н.* В память В. В. Скрипицына // Русский архив. 1876. Т. II. С. 384–392.

[32] Записки М. Д. Бутурлина. М., 2006. Т. II. С. 289.

себя «халифом на час». Поэтому решительных перемен Дмитрий Николаевич предпринимать не стал, однако «кое-что почистил и кое-что подтянул»[33].

По истечении шести месяцев освободилось место калужского губернатора, и Д. Н. Толстой получил эту должность, передав Рязанскую губернию возвратившемуся из отпуска П. П. Новосильцеву. Дмитрий Николаевич не забыл своих рязанских сослуживцев и впоследствии при удобном случае составлял им протекцию в других ведомствах. По замечанию М. Д. Бутурлина, одного из протеже Толстого, «граф умел отыскивать дельных чиновников»[34].

Калужской губернией Д. Н. Толстой управлял с 6 июля 1856 до 27 июля 1858 г.[35] В записках М. Д. Бутурлина, чиновника особых поручений при калужском губернаторе, можно найти множество деталей, воссоздающих управленческий стиль Дмитрия Николаевича. Губернатор был холост и небогат, поэтому балов не устраивал, проводил время за бумагами или беседами, иногда устраивая «карточные мужские съезды»[36]. Он был в меру либерален и поддерживал дружеские отношения с декабристами, проживавшими в Калуге — князем Е. П. Оболенским, Г. С. Батенковым[37]. В то же время Толстой не ударил в грязь лицом, когда весной 1858 г. принимал императорскую чету, следовавшую по Брест-Литовскому шоссе[38].

М. Д. Бутурлин отзывается о калужском губернаторе как о требовательном, но снисходительном начальнике, остроумном, находчивом, предпочитавшем «насмешкой исправлять нравственность»[39]. Он честно исполнял свои обязанности, однако не был одержим служебным рвением. Шутки ради Толстой рассчитал, сколько времени губернатор должен посвящать своим занятиям, и получилось, что «из 24 часов оставалось бы ему не более как три часа для сна, еды и приема посетителей, а для моциона не осталось бы ни минуты»[40]. Подобное отношение к службе было типично для чиновника николаевского царствования, между тем Д. Н. Толстому выпало руководить губернией в то время, когда стремительно набирала ход подготовка крестьянской реформы, и правительству требовались ее энергичные проводники.

Летом 1858 г. Толстой получил предписание организовать губернский комитет об улучшении быта крестьян. Толстой выполнил это распоряжение, но отнесся к нему без энтузиазма, поскольку полагал отмену крепостного права несвоевременной. Очевидно, этим обстоятельством можно объяснить не-

[33] Там же. С. 292.

[34] Там же. С. 188.

[35] Калужские губернаторы. Из воспоминаний Н. В. Сахарова // Русский архив. 1916. Кн. 1. С. 228.

[36] Записки М. Д. Бутурлина. Т. II. С. 317.

[37] Там же. С. 321.

[38] Там же. С. 331.

[39] Там же. С. 320.

[40] Там же. С. 321.

лестную характеристику, которую дал Дмитрию Николаевичу канцелярский чиновник Н. В. Сахаров в очерке «Калужские губернаторы»[41]. Ни один начальник губернии дореформенного времени не избежал критики со стороны подчиненного. Но если предшественники Д. Н. Толстого уличены в злоупотреблениях служебным положением, то Дмитрий Николаевич предстает в очерке как «человек хотя приличный, корректный, но, как администратор, личность бесцветная, бледная, не оставившая по себе никаких ярких воспоминаний»[42]. Эпоха же требовала деятелей иного склада. Таким энергичным губернатором Н. В. Сахаров считал преемника Д. Н. Толстого — В. А. Арцимовича, который занялся активным проведением в Калужской губернии крестьянской реформы. Публицист был недалек от истины, когда писал, что сознание «бессилия перед надвигавшейся исторической бурей падения крепостного права» привело Д. Н. Толстого к решению об отставке.

Толстой неоднократно возвращался к оценке крестьянской реформы в своих записках, отчетливо обрисовывая собственную позицию — консервативную — типичную для представителя родовитого (хоть и небогатого) поместного дворянства. По его мнению, подготовку реформы взяла на себя «чиновничья петербургская партия», состоявшая «исключительно из чиновников, литераторов и журналистов» и действовавшая вопреки интересам помещиков и государства. Следствием стала необдуманность преобразований 1860-х гг., которые вызвали разочарование и недовольство как помещиков, так и крестьян[43].

Российский консерватизм и либерализм XIX в. представляют сложное и многофакторное явление. «Парадокс правительственного «конституционализма» — сочетание консервативных целей и либеральных мер, выбранных в качестве средства их достижения, был отмечен В. Г. Чернухой в ее монографии о внутренней политике 1850-х — 1880-х гг.[44] Д. Н. Толстого можно назвать «чистым» консерватором. Он не был ярым крепостником, ответственно выполнял все правительственные распоряжения, но либеральные преобразования 1860-х гг. не приветствовал. Очевидно, он обсуждал негативные последствия реформ со своим племянником, будущим министром. Опубликованное в «Русском архиве» письмо гр. Д. А. Толстого к его дяде гр. Д. Н. Толстому от 30 апреля 1861 г. свидетельствует об общности их взглядов. Д. А. Толстой резко отзывался о последствиях проведения крестьянской реформы, считая, что она разорит помещиков, лишив их доходов, и разрушит экономику России, оставив страну без хлеба[45]. Высказывая свое негодование действиями правительства,

[41] Калужские губернаторы. Из воспоминаний Н. В. Сахарова // Русский архив. 1916. Кн. 1. С. 213–234.

[42] Там же. С. 228.

[43] Из записок графа Д. Н. Толстого // Русский архив. 1885. Кн. 2. С. 35.

[44] *Чернуха В. Г.* Внутренняя политика царизма... С. 74.

[45] Письмо гр. Д. А. Толстого к дяде его гр. Д. Н. Толстому // Русский архив. 1905. Кн. 1. С. 688.

он рассчитывал на понимание со стороны близкого ему человека, разделявшего недовольство преобразованиями. При этом племянник был более активен и пытался донести свою точку зрения до властей, несколько раз составляя записки по поводу эмансипации крестьян[46].

Дмитрий Николаевич был менее напорист, он полагал, что если возложенные на него служебные обязанности приходят в противоречие с его внутренними убеждениями, следует подавать в отставку. Повод к отставке дали беспорядки в губернии. Об этом происшествии Толстой спустя много лет подробно рассказал в письме к М. Д. Бутурлину 8 марта 1872 г.

В августе 1858 г. калужский помещик Полтев, приехавший из Москвы в свое имение, приказал перенести крестьянские дворы на другое место. Крестьяне, ожидавшие с минуты на минуту объявление «воли», отказались исполнить это требование, несмотря на присутствие земской полиции. Губернатор, хоть и не поддерживал решение землевладельца, всё же прибег к телесным наказаниям крестьян, рассматривая инцидент как неповиновение правительству[47]. В ход были пущены розги, а Дмитрий Николаевич принял решение подать в отставку, поскольку «роль палача слишком противна его натуре». Официальным же поводом стало прошение об «увольнении по болезни»[48].

После выхода в отставку Д. Н. Толстой отправился в путешествие, посетив сначала свое рязанское имение, а затем Париж и Прагу. Возвратившись в октябре 1859 г., он принял предложение министра внутренних дел С. С. Ланского и стал воронежским губернатором. Д. Н. Толстому пришлось снова заняться организацией губернского комитета по крестьянским делам, что привело к разногласиям с министерством. Он предложил от правительства кандидатуру помещика — «ревнителя помещичьих интересов и непримиримого врага эмансипации». Однако С. С. Ланской резко отверг предложение губернатора. Заботясь о том, чтобы довести реформу до конца, правительство увидело в действиях Толстого нежелательное препятствие. Позднее в записках Дмитрий Николаевич оправдывал свои действия тем, что специально выбрал такого кандидата, надеясь, что правительство заменит его в административном порядке. Тем не менее помещик все-таки стал членом Комитета — как избранный дворянством. Резкую критику МВД вызвала и решимость губернатора применить силу против крестьян в Бобровском уезде в апреле 1861 г.

Однако выбили почву из-под ног губернатора не эти факты, а то, что его действия стали широко известны благодаря герценовскому «Колоколу». Толстой в записках упоминает о том, что и конфиденциальное письмо к министру,

[46] Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II. Берлин, 1862. Вып. V. С. 141–143; Письмо Д. А. Толстого М. П. Погодину от 28 сентября 1861 г. // РО ИРЛИ. Д. 4960.

[47] Письма графа Д. Н. Толстого к графу М. Д. Бутурлину // Русский архив. 1912. Кн. 1. № 1. С. 356–358.

[48] Записки М. Д. Бутурлина. Т. II. С. 350.

и распоряжение от 8 апреля 1861 г. сразу же были опубликованы «вольной печатью»[49].

9 апреля 1861 г. Д. Н. Толстой вышел в отставку, но бездействие тяготило его. Из письма племянника он узнал о назначении П. А. Валуева управляющим Министерством внутренних дел[50]. Дмитрий Николаевич написал Валуеву о своем желании сотрудничать с ним и получил предложение занять пост директора Департамента полиции исполнительной[51]. Он ответил согласием и возглавлял департамент с 1861 по 1863 г. Эти годы можно по праву назвать пиком служебной карьеры Дмитрия Николаевича и временем его максимального сближения с П. А. Валуевым. Именно этому периоду посвящена бóльшая часть записок[52].

31 августа 1861 г. Валуев отметил в дневнике: «Гр. Толстой приехал и явился»[53]. Валуев был занят разработкой программы действий, которую должен был предложить императору как глава ведомства. Между министром и директором Департамента существовали доверительные отношения, они обменивались мыслями в конфиденциальной переписке и приватных беседах. П. А. Валуев неоднократно обсуждал с Д. Н. Толстым «свои виды и стремления»[54].

В этот период МВД активно разрабатывало вопросы модернизации государственного управления: полицейскую, судебную, цензурную и церковную реформы. Усовершенствование государственного управления Д. Н. Толстой связывал с более четкой административной регламентацией. Очевидно, Валуев учел эту особенность своего сотрудника, поручив ему руководство Департаментом полиции исполнительной. Управляющий Министерством рассчитывал найти в Толстом способного администратора, ранее уже исполнявшего обязанности вице-директора.

Общее учреждение министерств 1811 г. определяло деятельность Департамента как административную: составление полицейских штатов, учреждение городовой стражи и пожарных команд, составление сводных ведомостей на основании отчетов губернаторов (сведения о рождаемости и смертности, ведомости о происшествиях, надзор за системой мер и весов), устройство тюрем, наблюдение за игорными заведениями, надзор за уголовным следствием и передвижением населения (поимка беглых и беспаспортных, пресечение бродяжничества), дела о раскольниках, надзор за исполнением земских повинностей[55].

---

[49] *Толстой-Знаменский Д. Н.* Дай оглянусь // Русский архив. 1881. Кн. 2. № 3–4. С. 168; Из записок графа Д. Н. Толстого // Русский архив. 1885. Кн. 2. С. 35.

[50] Письмо гр. Д. А. Толстого к дяде его гр. Д. Н. Толстому // Русский архив. 1905. Кн. 1. С. 688.

[51] Из записок графа Д. Н. Толстого // Русский архив. 1885. Кн. 2. С. 36.

[52] Там же. С. 33–70.

[53] [*Валуев П. А.*] Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: В 2 т. М., 1961. Т. 1. С. 111.

[54] Из записок графа Д. Н. Толстого // Русский архив. 1885. Кн. 2. С. 39.

[55] ПСЗ. Собрание первое (1649–1825). Т. 31. С. 720–721.

Приступив к исполнению своих обязанностей, Д. Н. Толстой испытал разочарование: чиновники департамента занимались в основном делопроизводством, канцелярской перепиской. Деятельность ведомства стояла в стороне от законодательных вопросов и не касалась разрабатывавшихся реформ, расследованием политических дел занималась канцелярия министра. Однако Толстой не стал мириться с таким положением дел и решил выяснить у Валуева, какое место департамент занимает в его программе. Ответ не удовлетворил Дмитрия Николаевича, создав впечатление, что Валуев не имеет отчетливой программы действий, его рассуждения «были скорее desideria (пожелания. — *И. Б.*), чем твердо предположенный путь».[56] В отсутствии программы Валуева неоднократно упрекали современники. В. Г. Чернуха в небольшом биографическом очерке, посвященном этому государственному деятелю, приводит высказывания С. А. Венгерова и В. Мустафина. Однако тщательное изучение архивных документов и дневников министра позволило историку опровергнуть «бытующее (разумеется, не общее) мнение о том, что Валуев не имел программы»[57].

В. Г. Чернуха доказала, что П. А. Валуев изложил основные программные идеи во всеподданнейшей записке от 22 сентября 1861 г. «Общий взгляд на положение дел в империи с точки зрения охранения внутренней безопасности государства». Этот документ был подвергнут В. Г. Чернухой научному анализу в двух статьях, опубликованных в сборниках ВИД[58], а ее основные положения резюмированы в монографии[59]. В. Г. Чернуха подробно описала историю создания документа и его обнаружения, рассмотрев содержание в цепи других программных записок министра. Записка от 22 сентября 1861 г. была обнаружена ею в личном архиве П. Е. Щеголева (РГИА. Ф. 1093. Д. 339. Л. 3–13). Наиболее яркие маргиналии Александра II, внимательно прочитавшего документ, процитировал В. Я. Лаверычев в монографии «Крупная буржуазия в пореформенной России (1861–1917 гг.)» (М., 1974), но в широкий научный оборот источник был введен В. Г. Чернухой. В записке, хоть и в завуалированной (но прекрасно понятой императором) форме, Валуев поднимал вопрос о создании представительных учреждений. Положения записки, касавшиеся децентрализации управления и создания объединенного правительства, Чернуха рассмотрела в статье, посвященной конституированию Совета министров[60]. Другие положения документа касались децентрализации центральной власти, расширения прав Комитета министров и особого положения его председателя, укрепления

[56] Из записок графа Д. Н. Толстого // Русский архив. 1885. Кн. 2. С. 39.

[57] *Чернуха В. Г.* Государственный деятель 1860-х: Петр Александрович Валуев (1814–1890 гг.) // Из глубины времен. СПб., 1994. № 3. С. 97–106.

[58] *Чернуха В. Г.* Программная записка министра внутренних дел П. А. Валуева от 22 сентября 1861 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Вып. 7. С. 210–220.

[59] *Чернуха В. Г.* Внутренняя политика царизма... С. 22–27.

[60] *Чернуха В. Г.* Конституирование Совета министров (1861 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Вып. 8. С. 164–184.

полиции. В маргиналиях Александр II резко отозвался о возможности ущемления его власти, настаивая на сохранении «коренных основ монархического и самодержавного правительства» и указывая на недопустимость «учреждения 1-го министра». Однако другие идеи П. А. Валуева были им одобрены, в том числе и «коренное преобразование» столичной полиции, что было продиктовано нарастанием внутренней нестабильности. В. Г. Чернуха пришла к выводу, что предложенная программа «упрочила “доверие” императора к управляющему Министерством внутренних дел», о чем свидетельствовало утверждение Валуева в должности министра[61].

Очевидно, Д. Н. Толстой был излишне строг к своему бывшему сослуживцу, критикуя его за отсутствие продуманного плана действий. В то же время он не разделял уверенности Валуева в необходимости создания объединенного правительства и созыва представительных учреждений.

Вместе с этой запиской управляющий МВД представил императору еще одну — о преобразовании духовного ведомства. Толстой упоминает в «Записках», что в конце 1861 г. Валуев дал ему «для прочтения собственноручную свою всеподданнейшую записку о современном положении нашего духовенства, удостоенную многими отметками государя»[62]. История этого документа изложена министром в дневнике. 18 августа 1861 г. он «испросил разрешения» Александра II «представить ему новую записку по вопросу о преобразовании (или улучшении, как обыкновенно говорится), быта духовенства». Валуев отметил, что поводом стало «плачевное положение православной церкви в Западном крае и существование особого Комитета для обеспечения тамошнего сельского духовенства»[63]. Очевидно, Валуев обратил внимание на проблему в период службы в Прибалтийском крае в середине 1840-х гг. (он пишет, что эта мысль давно его «занимает»). Не случайно своими мыслями он поделился с Д. Н. Толстым, сослуживцем по канцелярии генерал-губернатора. 4 сентября Валуев получил разрешение императора «представить записку о мерах к преобразованию быта нашего духовенства»[64]. 22 сентября он оставил дневниковую запись об отправке двух записок Александру II[65]. В. Г. Чернуха установила, что записка об улучшении быта православного духовенства хранится в РГИА[66]. 7 октября обе записки были возвращены с монаршими маргиналиями. «С содержанием последней (о духовенстве. — *И. Б.*) государь вполне согласился»[67]. В результате

[61] *Чернуха В. Г.* Программная записка министра внутренних дел П. А. Валуева от 22 сентября 1861 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 7. Л., 1976. С. 219.

[62] Из записок графа Д. Н. Толстого // Русский архив. 1885. Кн. 2. С. 46.

[63] [*Валуев П. А.*] Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: В 2 т. Т. 1. С. 107–108.

[64] Там же. С. 112.

[65] Там же. С. 117.

[66] РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 30. Л. 66 – 80 об.

[67] *Валуев П. А.* Указ. соч. С. 118.

28 июня 1862 г. последовало учреждение Особого присутствия по делам духовенства, положившее начало осуществлению церковной реформы[68].

П. А. Валуев предполагал усилить в духовном ведомстве светские начала, Д. Н. Толстой не одобрял подобный подход, однако вернул записку министру без замечаний. Он надеялся получить место управляющего делами Особого присутствия, и даже приступил (как это было принято при создании нового ведомства) к составлению исторической справки об эволюции церковной администрации в России[69]. Валуев, предполагая назначение Толстого, поручил ему подготовить проект деятельности Присутствия, но при его обсуждении между ними возникли разногласия. Толстой настаивал на созыве местных съездов духовенства, Валуев же не мог с этим согласиться в период внутриполитической нестабильности, последовавшей за отменой крепостного права.

Министр также привлекал Д. Н. Толстого к обсуждению цензурной и судебной реформ. Толстой был не согласен с разделением цензуры на карательную и предупредительную, он видел в передаче предупредительной цензуры Министерству народного просвещения возможность усиления влияния министра А. В. Головнина. В судебной реформе он подверг критике положение о независимости судей, полагая, что эта мера приведет к ослаблению административной власти.

За год с небольшим Толстой проделал в Департаменте полиции исполнительной значительную работу: составил отчет о численности полицейских чинов и их процентном соотношении к населению, собрал сведения о состоянии мест заключения и разработал программу действий по управлению киргизами в Оренбургском уезде. Но главным его занятием стала работа над проектом полицейского устава и составление новых полицейских штатов. Д. Н. Толстой остался в истории разработчиком полицейской реформы 1862 г. 25 декабря 1862 г. были опубликованы Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых[70]. Было увеличено содержание полицейских чинов, разграничены функции полиции и местных органов самоуправления. Однако Толстой остался недоволен окончательной редакцией документа.

Д. Н. Толстой нередко выступал в качестве оппонента министра, и постепенно постоянная критика стала раздражать П. А. Валуева. «С чего же вы взяли, что я этого не вижу и что я поступаю не так, как вы думаете?», «согласитесь, что нужно и мне хотя когда-нибудь слышать голос одобрения», — отвечал министр на замечания Толстого. Охлаждение в их отношениях наступило спустя полгода после приезда Дмитрия Николаевича в Петербург, когда стала накаляться обстановка в Царстве Польском: Толстой был сторонником

[68] Подробнее см. *Шкурин М.* Эквивалентность церковных преобразований контексту великих реформ // Церковь и время. 2011. № 54. (https://mospat.ru/church-and-time/649)

[69] Из записок графа Д. Н. Толстого // Русский архив. 1885. Кн. 2. С. 46–47.

[70] ПСЗ. Собрание второе (1825–1881). Т. 37. № 39087.

жестких мер, в то время как его министр «предпочитал политику лавирования и уступок»[71].

Тем не менее Валуев по-прежнему ценил административные способности директора Департамента и в сентябре 1862 г. отправил его в Новгород на открытие памятника Тысячелетия России, которое Толстой описал в «Записках»[72]. Поводом для окончательного разрыва стало назначение на пост товарища министра тайного советника А. Г. Тройницкого. Д. Н. Толстой с горечью пишет о том, что министр сделал неправильный выбор. Скорее всего, Дмитрий Николаевич претендовал на эту должность, и чувствовал себя несправедливо обойденным.

В конце 1862 г. Валуев предложил Толстому почетную отставку — по состоянию здоровья. Обсуждалась и возможность его назначения в Сенат, но в итоге Валуев добился пожалования Толстому земельного владения в Самарской губернии, что существенно поправило расстроенные финансовые дела Дмитрия Николаевича. 23 мая 1863 г. П. А. Валуев записал в дневнике: «Гр. Толстой прощался. Много грубого эгоизма и немало неблагодарности при некоторой теплоте чувств и немалом добродушии. Сочетание этих свойств у нас не редкость»[73].

В 1861–1863 гг., в период активного правительственного законотворчества, Д. Н. Толстой входил в число сотрудников П. А. Валуева, однако в отличие от своего министра, «либерал-консерватора» (по замечанию В. Г. Чернухи)[74], занимал непримиримо консервативную позицию. В то же время Земский отдел МВД возглавлял А. Я. Соловьев, отстаивавший идеи Н. А. Милютина. Толстой и Соловьев представляли в Министерстве два разных идейных полюса, в «Записках» Д. Н. Толстой резко критиковал своего сослуживца. Они ушли из ведомства почти одновременно — в 1863 г. Их «сосуществование» было возможно в то время, когда министр занимался подбором сотрудников. Валуеву постоянно приходилось лавировать, проводя свою программу, и сотрудники, придерживавшиеся крайних взглядов, его не устраивали. П. Д. Стремоухов в воспоминаниях о П. А. Валуеве приводит отзыв о нем Д. Н. Толстого: «При всем своем уме и при всех выдающихся талантах, Валуев не сумел (?) (вопросительный знак поставлен публикатором. — *И. Б.*) сгруппировать вокруг себя силы, необходимые для успешного выполнения какой бы то ни было своей политической задачи и борьбы с враждебными ему течениями; взяв на себя колоссальную массу труда, он стоял одиноко, и в этой его изолированности — одна из причин неустойчивого его положения и всех его колебаний»[75]. Дмитрий Николаевич тонко подметил

[71] *Чернуха В. Г.* Государственный деятель 1860-х: Петр Александрович Валуев (1814–1890 гг.) // Из глубины времен. С. 104.

[72] Из записок графа Д. Н. Толстого // Русский архив. 1885. Кн. 2. С. 56–58.

[73] [*Валуев П. А.*] Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: В 2 т. Т. 1. С. 224.

[74] *Чернуха В.* Г. Государственный деятель 1860-х: Петр Александрович Валуев (1814–1890 гг.) // Из глубины времен. С. 104–105.

[75] *Стремоухов П. Д.* Из воспоминаний о гр. П. А. Валуеве // Русская старина. 1906. Т. 128. С. 292.

обособленное положение П. А. Валуева, державшегося «особняком» среди министров Александра II[76]. Объяснение этой «изолированности» дал А. Г. Тройницкий в письме к своему брату 17 июля 1864 г.: «Не ручаюсь и за своего министра; он должен постоянно маневрировать между двух вод: с одной стороны ультра-православная (модификация славянофильской) партия, требует чуть не истребления всего, не только польского, но вообще иноверческого в России, с другой — ультра-либеральная (т. е. самая деспотическая) добивается власти, чтобы всё унивелировать, т. е. стереть дворянство и выдвинуть владычество масс, которыми она могла бы ворочать и экспериментировать по произволу. Валуев чуть не один борется с этими партиями, стремящимися к власти: долго ли он устоит, хотя до сих пор государь его очень жалует, отгадать нельзя»[77]. Судя по этому замечанию, А. Г. Тройницкий лучше понимал сложность положения министра внутренних дел и стоявших перед ним задач, чем Д. Н. Толстой. Возможно, это сыграло свою роль в выборе Валуевым товарища министра.

В 1896 г. в «Русском архиве» была опубликована записка, обнаруженная И. С. Листовским среди бумаг П. А. Валуева и адресованная Д. Н. Толстому:

«Мы с Вами расстаемся. На прощанье черкните несколько строк. Вы *одни* в министерстве имеете к тому горизонт...

Тема следующая:

1. Что и кто теперь Россия?
2. Все сословия разъединены. Все законы в переделке. Все основы в движении.
3. Полцарства в исключительном положении. Меры строгости преобладают. Оппозиция и недоверие везде, где есть способность их высказывать. Трехсотголовое земство колеблется и готово прежде всего порицать правительство, а потом ему противодействовать.
4. Один Государь теперь Россия. Ему предстоит быть *нравственным собирателем* земли Русския, как Калита был ее материальным собирателем.
5. Солнце царское тепло озарило долы 19 февраля. Теперь нужно осветить и пригреть вершины и окраины.

29 октября (1863)»[78].

Ответная записка Д. Н. Толстого была обнаружена И. Е. Дроновым в ГАРФ (Ф. 652 — вел. кн. Владимира Александровича. Оп. 1. Д. 296. Л. 1 — 1 об.)[79]. Тезисы, открывающие записку, дословно совпадают с записью в дневнике министра 29 октября 1865 г.: «Кто и что теперь Россия? Все сословия разъединены.

[76] *Чернуха В. Г.* Государственный деятель 1860-х: Петр Александрович Валуев (1814–1890 гг.) // Из глубины времен. С. 105.

[77] Письма П. А. Валуева А. Г. Тройницкому // Русская старина. 1899. Т. 99. Кн. III. Июль. С. 235.

[78] П. А. Валуев — графу Д. Н. Толстому // Русский архив. 1896. Кн. 3. № 9–12. С. 640.

[79] «Кто и что теперь Россия?» // Вопросы истории. 2012. № 8. С. 75–82.

<...> Все законы в переделке. Все основы в движении...»[80]. Судя по сопроводительному письму историка С. А. Панчулидзева[81], записка была составлена как ответ на тему, заданную во время игры в секретер в 1865 г. на одном из вечеров у министра внутренних дел П. А. Валуева. Возможно, Д. Н. Толстой не сразу ответил своему бывшему начальнику (П. Д. Стремоухов вспоминал, что и после отставки Толстой находился с Валуевым «в постоянной и интимной переписке»[82]), или Валуев познакомил с его ответом участников игры в секретер в 1865 г., предложив им эту же тему.

И. Е. Дронов отнес записку к авторству гр. Д. А. Толстого. Однако ни стиль, ни высказанные в записке положения не могли принадлежать обер-прокурору Св. Синода[83]. Кроме того, он не входил в число близких знакомых Валуева, который лишь вскользь упоминает о нем в дневниковых записях первой половины 1860-х гг. В этом документе отчетливо выражены консервативные устремления типичного представителя небогатого поместного дворянства, полагавшего, что главные задачи правительства состоят в наведении порядка и поддержке высшего сословия.

Выйдя в отставку, Дмитрий Николаевич поселился в родовом имении Знаменка, занимаясь в 1864–1865 гг. просветительской деятельностью, а с конца 1860-х гг. воспитанием сына Сергея. Образование мальчика было решено продолжить в стенах Троице-Сергиевой лавры, и Толстые перебрались в Сергиев Посад. В ноябре 1873 г. Сергиев Посад посетил Александр II, и Д. Н. Толстой решил воспользоваться случаем, чтобы напомнить о себе императору, полагая, что августейшее покровительство будет нелишним для сына. Выяснилось, что император не забыл способного чиновника, о чем Дмитрий Николаевич с гордостью сообщил М. Д. Бутурлину[84].

Умер Дмитрий Николаевич Толстой 14 марта 1884 г.

Записки Д. Н. Толстого представляют взгляд родовитого, но небогатого помещика, опытного администратора, но отнюдь не реформатора, на преобразования 1860-х гг. Вместе с воспоминаниями и перепиской других сотрудников П. А. Валуева эти записки воссоздают взаимоотношения внутри МВД в период активного законотворчества, вносят существенные детали в исторический портрет министра.

В научной литературе фигура Д. Н. Толстого оказалась в тени государственной деятельности племянника, Д. А. Толстого. Тем не менее Д. Н. Толстой

[80] [*Валуев П. А.*] Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: В 2 т. М., 1961. Т. II. С. 74–75.

[81] Там же. С. 75.

[82] *Стремоухов П. Д.* Из воспоминаний о гр. П. А. Валуеве // Русская старина. С. 283.

[83] Подробнее см.: *Барыкина И. Е.* Об авторстве записки о внутреннем положении России в 1865 г. // Вопросы истории. 2013. № 9. С. 169–175.

[84] Письма графа Д. Н. Толстого к графу М. Д. Бутурлину // Русский архив. 1912. Кн. 1. № 1. С. 363–364.

занимает особое место в истории внутренней политики XIX столетия. Чиновник николаевского царствования, он был поставлен перед необходимостью решать задачи нового времени, однако оказался не готов к кардинальным переменам в государственном управлении. Толстой вынужден был выйти в отставку не столько из-за неудовлетворенных амбиций, сколько потому, что не смог найти свое место в реформаторской деятельности МВД и в рядах нового поколения чиновников — профессиональных бюрократов. К этому поколению принадлежал Д. А. Толстой, политическое кредо которого во многом сформировалось под влиянием дяди.

References

«Kto i chto teper' Rossija?» // Voprosy istorii. 2012. № 8. S. 75–82.

Aleksandr Vtoroj: Vospominanija. Dnevniki. SPb., 1995.

Barykina I. E. Graf D. A. Tolstoj kak hozjain i pomeshhik: po materialam Rjazanskogo arhiva // Vlast', obshhestvo i reformy v Rossii: istorija, istochniki, istoriografija. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii 6–7 dekabrja 2006 goda. SPb., 2007. S. 483–494.

Barykina I. E. Neizvestnye bumagi D. A. Tolstogo // Pushkinskij muzeum. SPb., 2014. Vyp. 6. S. 219–230.

Barykina I. E. Ob avtorstve zapiski o vnutrennem polozhenii Rossii v 1865 g. // Voprosy istorii. 2013. № 9. S. 169–175.

Barykina I. E. Rodstvennoe okruzhenie gr. D. A. Tolstogo. Materialy dlja biografii // KLIO. 2006. № 3 (34). S. 228–236.

Chernuha V. G. Gosudarstvennyj dejatel' 1860-h: Petr Aleksandrovich Valuev (1814–1890 gg.) // Iz glubiny vremen. SPb., 1994. № 3. S. 97–106.

Chernuha V. G. Konstituirovanie Soveta ministrov (1861 g.) // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. L., 1976. Vyp. 8. S. 164–184.

Chernuha V. G. Memuary stolichnogo chinovnichestva vtoroj poloviny XIX v. // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. L., 1983. T. 14. S. 195–216.

Chernuha V. G. Programmnaja zapiska ministra vnutrennih del P. A. Valueva ot 22 sentjabrja 1861 g. // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. L., 1976. Vyp. 7. S. 210–220.

Chernuha V. G. Vnutrennjaja politika carizma s serediny 50-h do nachala 80-h gg. XIX v. L., 1978.

Istorija dorevoljucionnoj Rossii v dnevnikah i vospominanijah. M., 1977. T. 2. Ch. I. S. 42–43.

Iz zapisok grafa D. N. Tolstogo // Russkij arhiv. 1885. Kn. 2. № 5. S. 5–70.

Kaluzhskie gubernatory. Iz vospominanij N. V. Saharova // Russkij arhiv. 1916. Kn. 1. S. 213–234.

Listovskij I. S. Poslanie grafa P. A. Valueva k grafu D. N. Tolstomu // Russkij arhiv. 1897. Kn. 2. № 5. S. 285–286.

Materialy dlja istorii uprazdnenija krepostnogo sostojanija pomeshhich'ih krest'jan v Rossii v carstvovanie imperatora Aleksandra II. Berlin, 1862. Vyp. V. S. 141–143.

P. A. Valuev — grafu D. N. Tolstomu // Russkij arhiv. 1896. Kn. 3. № 9–12. S. 640.

Pis'ma grafa D. N. Tolstogo k grafu M. D. Buturlinu // Russkij arhiv. 1912. Kn. 1. № 1. S. 356–358, 363–364.

Pis'ma P. A. Valueva A. G. Trojnickomu // Russkaja starina. 1899. T. 99. Kn. III. Ijul'. S. 225–240.

Pis'mo D. A. Tolstogo M. P. Pogodinu ot 28 sentjabrja 1861 g. // RO IRLI. D. 4960.

Pis'mo gr. D. A. Tolstogo k djade ego gr. D. N. Tolstomu // Russkij arhiv. 1905. Kn. 1. S. 688.

Rjazanskaja uchenaja arhivnaja komissija. 1884–1887 // Russkaja starina. 1887. T. 54. № 4. S. 206.

Shkurin M. Jekvivalentnost' cerkovnyh preobrazovanij kontekstu velikih reform // Cerkov' i vremja. 2011. № 54 (https://mospat.ru/church-and-time/649/ (дата обращения — 20.02.2015)).

Stremouhov P. D. Iz vospominanij o gr. P. A. Valueve // Russkaja starina. 1906. T. 128. S. 273–293.

Tolstoj D. N. Avtobiografija obyknovennogo cheloveka // Russkij arhiv. 1912. Kn. 1. S. 332–352.

Tolstoj D. N. V pamjat' V. V. Skripicyna // Russkij arhiv. 1876. T. II. S. 384–392.

Tolstoj-Znamenskij D. N. Daj ogljanus' // Russkij arhiv. 1881. Kn. 2. № 3–4. S. 163–176.

Tolstoj-Znamenskij D. N. Pribaltijskij kraj. Iz dnevnika russkogo chinovnika (1845–1846) // Russkij arhiv. 1881. Kn. 3. S. 84–112.

[*Valuev P. A.*] Dnevnik P. A. Valueva, ministra vnutrennih del: V 2 t. M., 1961. T. 1.

Zapiski M. D. Buturlina. M., 2006. T. II. S. 289.

Список литературы

Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995.

Барыкина И. Е. Граф Д. А. Толстой как хозяин и помещик: по материалам Рязанского архива // Власть, общество и реформы в России: история, источники, историография. Материалы Всероссийской научной конференции 6–7 декабря 2006 года. СПб., 2007. С. 483–494.

Барыкина И. Е. Неизвестные бумаги Д. А. Толстого // Пушкинский музеум. СПб., 2014. Вып. 6. С. 219–230.

Барыкина И. Е. Об авторстве записки о внутреннем положении России в 1865 г. // Вопросы истории. 2013. № 9. С. 169–175.

Барыкина И. Е. Родственное окружение гр. Д. А. Толстого. Материалы для биографии // Клио. 2006. № 3 (34). С. 228–236.

[*Валуев П. А.*] Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. В 2 т. М., 1961. Т. 1.

Из записок графа Д. Н. Толстого // Русский архив. 1885. Кн. 2. № 5. С. 5–70.

История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. М., 1977. Т. 2. Ч. I.

Калужские губернаторы. Из воспоминаний Н. В. Сахарова // Русский архив. 1916. Кн. 1. С. 213–234.

Листовский И. С. Послание графа П. А. Валуева к графу Д. Н. Толстому // Русский архив. 1897. Кн. 2. № 5. С. 285.

Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II. Берлин, 1862. Вып. V.

Толстой Д. Н. Автобиография обыкновенного человека // Иллюстрация. 1848. № 33. (Т. VII. № 163). С. 130–134.

Толстой Д. Н. Автобиография обыкновенного человека // Русский архив. 1912. Т. I. С. 332–352.

Толстой Д. Н. В память В. В. Скрипицына // Русский архив. 1876. Т. II. С. 384–392.

Толстой-Знаменский Д. Н. Дай оглянусь // Русский архив. 1881. Кн. 2. № 3–4.

Толстой-Знаменский Д. Н. Прибалтийский край. Из дневника русского чиновника (1845–1846) // Русский архив. 1881. Кн. 3. С. 84–112.

Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978.

Чернуха В. Г. Государственный деятель 1860-х: Петр Александрович Валуев (1814–1890 гг.) // Из глубины времен. СПб., 1994. № 3. С. 97–106.

Чернуха В. Г. Конституирование Совета министров (1861 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Вып. 8. С. 164–184.

Чернуха В. Г. Программная записка министра внутренних дел П. А. Валуева от 22 сентября 1861 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Вып. 7. С. 210–220.